

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

ВО ВРЕМЕННОЕ
ПОЛЬЗОВАНИЕ

Мария Зайцева

Во временное пользование

«автор»

Зайцева М.

Во временное пользование / М. Зайцева — «автор»,

Макс Розгин - жестокий и не знающий границ зверь. Но он - единственный, кто может помочь в моей ситуации. Вот только чем я буду платить за его услуги? За спасение брата из лап сектантов? За помощь в раскрытии преступления? За возврат к своей прежней жизни? Опасайся оказаться НАЕДИНЕ СО ЗВЕРЕМ.

© Зайцева М.

© автор

Содержание

Пролог	5
Первая встреча	8
Странная баба.	10
А потом мне позвонили...	12
Когда рушится мир.	15
Невозможная женщина.	18
Не убивай...	21
Черная метель.	26
Вопросы без ответов.	29
Как становятся рабом лампы.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Во временное пользование

Автор: Мария Зайцева

Пролог

ВО ВРЕМЕННОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ.

Аннотация:

Макс Розгин – жестокий и не знающий границ зверь. Но он – единственный, кто может помочь. Вот только захочет ли?

И чем я буду платить за его услуги? За спасение брата из лап сектантов? За помощь в раскрытии преступления? За возврат к своей прежней жизни?

Опасайся оказаться **НАЕДИНЕ СО ЗВЕРЕМ.**

СМОТРЕТЬ БУКТРЕЙЛЕР ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

ЗДЕСЬ БУДЕТ

Детективный сюжет, раскрытие преступления

Спасение беспомощной женщины

Очень откровенные и жесткие сцены секса

Обжигающие эмоции

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Как всегда, нежные фиалки – думаем, читаем ознаком, и не вопим потом в комментариях про жесть, как она есть

Нецензурная лексика

Убийство, кровь и мрак, но все будет хорошо)))

ЖДУ ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКИ, ДОРОГИЕ МОИ!

ЛЮБЛЮ ВАС!!!

Пролог.

Черную тень я замечаю слишком поздно. Все же беспечность, к которой привыкла в Испании, дает о себе знать.

Захожу, бросаю сумку на диван, иду в полутьме к дивану, до сих пор вяло удивляясь, почему здесь нет, как в нормальных домах, выключателя на входе.

У дивана, со стороны окна, стоит лампа.

Верхний свет горит только в прихожей, а потому я двигаюсь по привычному маршруту.

И присутствие постороннего замечаю не сразу.

А заметив, какое-то время неверяще и подслеповато вглядываюсь, отчаянно пытаюсь убедить себя, что это все просто неудачная тень от торшера.

Но когда тьма шевелится и начинает двигаться в мою сторону, взвизгиваю и пытаюсь бежать обратно, к свету прихожей, отчего-то веря, что, как только я попаду на освещенную территорию, морок развеется.

Но морок быстрее. И гораздо, просто пугающе, сильнее.

Меня перехватывают, не дав сделать и двух шагов, дергают обратно в круг тьмы, а потом вовсе валят на диван, да еще и рот зажимают, не давая не то, чтоб крикнуть, но даже и вздохнуть.

– Тихо. Ти-хо... – хрипит морок, и в это момент мое обезумевшее от страха сознание посещает узнавание!

Оно строится даже не на звуке, нет! На осязании, обонянии! От него пахнет табаком. И спиртным. И еще немного кожей, это от куртки, наверно... Какая глупость, в наше время носить кожаную куртку... Провинция...

Черт!

– Макс... Макс... – мычу я в железную лапу, по-прежнему закрывающую мне половину лица. И в этот момент он замирает, а потом наклоняется и шумно вздыхает запахом моей кожи. Возле шеи. И я замираю.

От ужаса. Уже второй волны ужаса. Потому что сначала, при узнавании, меня немного отпускает, и даже где-то облегчение появляется, потому что морок знакомый лучше морока незнакомого... Но после того, что он делает...

Он держит меня, по-прежнему крепко и жестко, от него пахнет спиртным, он дышит шумно и тяжело и вообще производит впечатление малоадекватного человека.

– Зачем ты вообще приехала сюда, м? – хрипит он так тихо и мучительно, словно...

Словно ему больно.

А затем проводит ладонью по моему дрожащему телу, вниз, а потом вверх, цепляя по пути тонкую ткань платья, задирая подол, оголяя бедра...

Я замираю в этот момент. Тарашу в темноту ошалевшие испуганные глаза, и не дышу даже, кажется. Только сердце тяжело бьет в грудную клетку так, что, наверняка, он слышит, как идет резонанс.

– Гладкая такая... О чем думала? Сидела бы в своей Барселоне, овца... – рука добирается до нижнего белья и тормозит там, как будто раздумывая, как дальше поступить. Решая.

Я осознаю, что это рубеж, и, не сдержавшись от ужаса, неслышно и жалобно скулю...

Словно упрашивая жестокого мужчину отпустить. Пожалеть.

Пощадить.

Он опять вдыхает воздух возле моего уха, потом неожиданно лижет покрытую мурашками кожу. Меня словно током бьет!

Становится невыносимо жарко, невыносимо тяжело и болезненно! То место, которого он касается языком, которое лижет жадно, как хищник самку, буквально огнем горит.

Зачем он...

Господи, зачем так?

Что делать мне теперь?

Как остановить?

Между тем, он убирает руку от губ, наверно, чтобы попытаться раздеть меня, и я в этот момент не кричу, хотя надо бы, а лихорадочно шепчу, все так же таращась в темноту полными слез, слепыми глазами:

– Макс, Макс, прекратите, пожалуйста, опомнитесь, Макс... Макс...

– Заткнись. Просто заткнись сейчас. Дай мне себя уже трахнуть, а? Ну сколько можно дразнить?

Я вообще не понимаю, о чем он сейчас. Какое дразнить? И в мыслях не было, вообще никогда!

Я кое-как выпрастываю руки из-под его тела и упираюсь в железные плечи. Оттолкнуть, конечно, не оттолкну, но все же хоть как-то обозначу свое несогласие!

– Макс... Вы пьяны, Макс, придите в себя! Я не хочу... Так! Не хочу!

– Да я от рождения в себе! Не хочешь так? А как? Как хочешь?

Он замирает, прекращая свое разрушительное воздействие на мое тело, смотрит в лицо напряженным взглядом. А я, от облегчения, от того, что хоть какой-то диалог с ним наладила, отвлекла немного, выдыхаю. И зря. Потому что теплый взволнованный выдох касается его губ, и в следующее мгновение я уже ничего не могу говорить и теряю свое шаткое, с таким трудом отвоеванное преимущество.

Его поцелуй – пьяный, жестокий, дымный и сумасшедший. Как и он сам.

Я не отвечаю.

Я все еще надеюсь на его благоразумие.

На то, что он придет в себя. Но с каждой секундой надежда моя все слабее. А вот огонь, разгорающийся опять, так и не потухший еще со времен нашего первого поцелуя, все ярче.

И это беда моя.

Это – моя погибель.

Потому что он останавливаться больше не намерен.

А я не намерена ему больше мешать.

В конце концов, этот финал был предопределен.

С момента нашей первой встречи.

Первая встреча

У него был острый, давящий взгляд, черные короткие волосы, грубая черная щетина на щеках и нос с горбинкой. А еще широкие плечи, крепкие руки и татуировка на шее.

Короче говоря, совершенно не располагающий к себе тип. Пугающий. Мрачный.

Зачем ты пришла сюда, Уля?

О чем ты думала?

Может... Может, убежать, пока не поздно?

– Ну?

А нет... Поздно.

Голос, хриплый и грубый, под стать пугающей внешности, заставил подпрыгнуть на месте и испуганно сжать сумочку. Я поймала себя на странном жесте – выставила ее вперед, словно защищаясь, и тут же опустила вниз.

Выпрямилась. Выдохнула. Твердо посмотрела в черные жестокие глаза.

Спокойно, Уля. Приди в себя. Ты, в конец концов, Кореева, а эта фамилия еще что-то значит. Для тебя, по крайней мере.

– Добрый день! Мне нужен Макс Розгин.

– Ну и?

Он оттолкнулся вместе с креслом назад, потянулся, что-то доставая из шкафа, стоящего справа, положил перед собой папку с бумагами.

Черт... Все же я в глубине души рассчитывала, что это не он. В смысле, что это не тот, кто мне нужен...

Но, похоже, ошиблась.

И все же, пожалуй, лучше уточнить.

– Это вы?

Он сунул в рот сигарету, не спросив моего разрешения, щелкнул зажигалкой. Выдохнул табачный дым.

– Это я. Что вам нужно? Я не беру новую работу.

– Я вам звонила... Вы сказали, подъезжать.

Главное, твердо это сказать. Потому что я, конечно, звонила, но с ним не разговаривала. Женский голос ответил довольно нервно, что по всем вопросам мне нужно разговаривать непосредственно с «господином Розгиным». И так язвительно было выделено именно это, что я сразу поняла – дело нечисто. Но, с другой стороны, мне не отказали. Чем не повод понять это так, как мне выгодно?

– Я не мог никому ничего сказать. Меня в городе не было всю неделю.

– Ваш секретарь...

– У меня нет секретаря. Вы ошиблись. Всего доброго.

После этого он отвлекся на экран монитора, прикусив дымящуюся сигарету зубами, защелкал мышкой.

А я неожиданно для себя успокоилась.

Нет, так нет. Все равно выгонит, значит, надо использовать последний шанс. Он для меня реально последний.

Поэтому я решительно сжала сумочку, прошла к столу и нагло уселась в кресло для посетителей, разместила с удобством и даже ногу на ногу положила.

Получилось нахально.

По крайней мере, господин Розгин на меня внимание обратил. Откинулся на спинку кресла, оглядел меня тягуче и довольно жутко, искривил губы в усмешке. Это тоже у него жутковато вышло.

– Мадам, вы, может, в уши долбитесь? Я с вами вежливо разговаривал, указал направление для выхода. Чего вы добиваетесь? Или думаете, что я силой не выволоку?

Если он пытался смутить меня нарочитой грубостью, то нисколько не преуспел.

Нет, конечно, раньше я бы точно покраснела, побледнела и вылетела из этого кабинета с такой скоростью, что только ветер в ушах свистел. Но это раньше. И это была не я. Это была другая Уля.

А сегодняшняя я не могла просто так уйти.

Не могла.

– Мне нужна ваша помощь. Мне вас порекомендовали...

– Мадам, мне плевать, – перебил он меня, – кто меня порекомендовал и за каким хером это сделали. Хотя, если вы назовете мне имя рекомендателя, я, так и быть, не поленюсь и скажу ему за это спасибо. Несколько раз. Но это никак не изменит ситуации. Я не беру новой работы. И вам лучше уйти сейчас.

– Вас мне рекомендовала Варвара Петровна.

Он замер на полсекунды, потом удивленно оглядел меня опять с ног до головы, уже очень даже внимательно.

Я еле сдержала торжествующую усмешку.

Ну что, супермен, не ожидал?

Он помолчал, потом опять щелкнул мышкой, закрывая программу.

– Слушаю.

Я выдохнула.

Первый этап пройден.

Странная баба.

Она странная.

Очень странная баба.

Нет, у него бывали разные клиенты, и, кстати, по наблюдениям, чем страннее, тем легче расставались с бабками, но тут что-то прям особенное.

Она стояла в проеме двери, словно обрамленная в черную рамку картина, и смотрела на него одновременно напугано и отчаянно.

Большие глаза, на пол лица, бледная кожа, не знавшая солнца, волосы темного непонятного цвета, затянутые в узел. Худая, длинноногая. Пальцы тонкие на коже сумки смотрятся скульптурно.

Словно аристократка из девятнадцатого века заявила к нему, гордая и неприступная.

Захотелось как-то сбить флер. Поэтому грубое «ну?», без приветствия, было очень кстати.

Дрогнула, глаза еще расширились... Ну да, княгиня долбанная, здесь тебе не дворец...

Почему «княгиня»? А хрен ее разберет. Как-то само нарисовалось в голове. Пусть там и остается.

У Макса был вагон работы. Он вообще в офисе случайно оказался, заехал забрать документы, да почту проверить. И надо же! Поймала! Будто караулила. Хотя, странно ее представлять стоящей возле двери и ожидающей его.

Нет, случайность.

Везучая княгиня.

Или нет.

Он не собирался брать новые заказы в любом случае. Тут со старыми бы разгрестись. Да и отдохнуть хотелось, поехать куда-нибудь в тайгу, где ни одной живой души на километры, засесть в заимку и провести там всю осень. Ловить рыбу, охотиться, дышать лесом.

Отличный план.

И, возможно, он даже его осуществит. Если быстренько завершит то, что есть.

Посетительница была не к месту. Потому сразу и отправил.

А она не ушла.

Удивился наглости и отправил грубее.

И через секунду залипал на коленках, показавшихся из-под юбки, когда она села в кресло для посетителей. Без приглашения.

Коленки были девственно белыми. Круглыми. Красивыми. На них отлично смотрелись бы синяки. Или потертости.

Он сморгнул.

Поднял взгляд на белое лицо без грамма косметики.

Посетительница смотрела отчаянно нагло.

Так, что невольно появилось желание эту наглость стереть, заменить чем-нибудь более подходящим к ситуации. Слезами, например.

Макс Розгин умел добиваться своего и никогда не испытывал пиетета перед женскими слезами.

Но тут не получилось.

А рекомендация от тети Вари вообще заставила оценить происходящее в другом ключе.

За все это время тетя Варя просила только один раз. А он готов был помогать еще миллион. И то не выплатил бы долг.

Поэтому он твердо посмотрел в темные, отчаянные глаза Княгини и приготовился слушать.

А ПОТОМ МНЕ ПОЗВОНИЛИ...

– Мне необходимо найти брата. – Я понимала, что не с того начала, наверно, надо про вознаграждение? Никогда не думала, что попаду в такую ситуацию. Не умела договариваться. Совершенно. Неожиданно почувствовала себя очень слабой и глупой. И Розгин вообще не помогал, один его взгляд давящий чего стоил. – Он... пропал. Но, наверно, вам нужны гарантии?

Розгин молчал. Смотрел. И я, дернув плечом, решила зайти с другой стороны.

– У меня есть квартира, – я нервно сжала сумочку, потом опять отследила свой дурацкий жест и расслабила пальцы, – она досталась мне от родителей. Сто пятьдесят квадратов в высотке в центре.

Помолчала, но господин Розгин уточняющих вопросов не задавал. Сидел неподвижно, смотрел на меня своими темными глазами. Складка между бровями делала его лицо еще жестче. Я невольно сглотнула, смиряя волнение.

– Есть еще дача... Но она принадлежит брату. Принадлежала. Доля в бизнесе. Перевозки.

– Как ваша фамилия? – перебил Розгин внезапно.

– Кореева.

Он не изменился в лице, никак не прокомментировал, но я поняла, что про наш семейный бизнес, один из крупнейших в городе, он слышал.

– Сейчас сложилась ситуация, что мне... Нужна помощь.

– Какого рода?

– Мне надо вернуть моего брата. И мое имущество. То, что я перечислила.

– Вы же сказали, что у вас это все есть?

– Да, но... Мой брат...

Я замолчала, пытаясь сформулировать в голове фразу.

– Мой брат был моим представителем в делах, я жила за границей... Я художница, путешествовала... И недавно, совершенно случайно узнала, что все мое имущество, которое досталось в наследство от родителей, продано. И наш семейный бизнес, где брат также представлял мои интересы... В общем, бизнес продан.

– А я чем могу помочь, мадам? – сухо усмехнулся Макс, откидываясь в кресле и сверля меня своим острым взглядом, – вы лоханулись, подписали доверенность на братишку, он вас поимел. Скорее всего, законно. Как вы собираетесь все возвращать?

– Понимаете, – я взволновалась неожиданно, придвинулась ближе к столу, положила сплетенные пальцы на столешницу.

Господин Розгин посмотрел на мои руки, складка между бровей стала еще глубже. Поднял взгляд.

– Я не могу с ним связаться! У меня ощущение, что произошло что-то плохое! Еще полгода назад все было прекрасно, я приезжала сюда, мы общались... А потом он пропал!

– Подавали в розыск?

– Нет... Дело в том, что он не совсем пропал...

– Так, мадам, я, конечно, уважаю тетю Варю, но нервы у меня не железные. И потому сейчас вы мне объясняете без утаек, куда делся ваш вороватый братишка, и почему вы думаете, что еще возможно что-то вернуть. И каким боком здесь могу быть я полезен. Я не юрист. И не адвокат. И не мент.

Я вздрогнула от жесткого тона, понимая, что надо собраться. Но, черт возьми, это так сложно!

Учитывая, что сама до сих пор толком не поняла и не приняла происходящее.

– Да-да. Дело в том, что он... Он все отдал добровольно. В дар. Одному... Одному сообществу. За возможность нахождения в их среде, как я понимаю...

– Секта?

– Да. Хотя, они называют себя просто общественной организацией... Благотворительной. «Дети Неба».

Я опять остановилась, ожидая вопросов, хоть какой-то реакции от Розгина. Но не дождалась.

– Он все оформил законодательно верно. И оставил меня ни с чем. Я с ним встречалась, он несет какой-то бред. И потом... Я видела его один раз, понимаете? Мне больше не позволили с ним встретиться.

Тут я неожиданно почувствовала, что не выдерживаю. Это было странным. Все это время, все два месяца, пока добивалась хоть какой-то информации о брате, о произошедшем, я держалась. Не позволяла себе расклеиться.

Несмотря на ужас ситуации, на полнейший бред, все же на что-то надеялась. Ходила по инстанциям.

Писала заявления.

Но все было впустую.

Юридическое оформление сделок было на высоте. Я прекрасно понимала, что сама виновата в произошедшем, не надо было слепо доверять брату... Но как не доверять, когда мы были самыми близкими, самыми родными друг у друга? Я даже подумать не могла, что он способен на такое!

Когда неожиданно брат перестал отвечать на звонки и письма, а на счет прекратили поступать деньги, а произошло это одновременно, я заволновалась.

И, бросив готовящуюся выставку, прилетела спешно в родной город.

Прямо к закрытой квартире, где уже проживали чужие люди.

Дом, бизнес, земли, что сдавались в аренду – все было продано. Кирилл появился один раз. Выглядел спокойным и каким-то... Просветленным, что ли. На все вопросы нес какой-то непонятный бред о несущественности материального и постижении гармонии.

А потом и вовсе пропал.

Заявления в полицию ничего не дали. Там просто не увидели состава преступления.

Я осталась ни с чем. В родном когда-то, но теперь таком враждебном городе, где меня знали, помнили...

И не любили. Потому что всегда была не от мира сего, всегда на всех смотрела свысока, как казалось моему окружению. А потом и вовсе уехала за границу, строя из себя стрекозу – свободную художницу.

По крайней мере, так мне дали понять на одном из благотворительных приемов, куда пригласили, памятуя о моей профессии и бывшем положении в обществе.

Я помнила свою растерянность, свой страх. И презрительные взгляды окружающих. Бывших одноклассников, богатых детей богатых родителей. Деятели культуры, которые раньше так хвалили мое творчество, звонили, писали, приглашая на какие-то выставки, какие-то промо-акции, считая знаменитостью, добившуюся успеха за рубежом.

Я шла на тот прием с намерением попросить помощи, инициировать пересмотр договора о купле-продаже. Ну очевидно же, что брат подвергся влиянию! Неужели, никто этого не видит? Неужели, никому нет дела, что вот так, в двадцать первом веке, прямо в крупном областном центре, в городе, входящем в десятку первых по численности городов в России, расположилась секта, заманивающая в свои сети людей? Обирающая их? Как такое может быть?

Происходящее казалось дикостью. И особенно диким было то, что все, кажется, знали про ситуацию с Кириллом, но никто не собирался ничего делать!

Я, поговорив с несколькими, вполне серьезными людьми, занимающими хорошие должности в городе, поняла, что все впустую. Конечно, мне улыбались. Конечно, мне обещали посмотреть и даже подумать, что можно сделать. Но реальность была ужасна.

А еще ужасней все стало, когда я услышала разговор двух мужчин, с которыми совсем недавно общалась, просила помощи.

Я как раз вышла на балкон, спрятавшись за балюстраду, закурила.

Услышала мужские голоса, шагнула в тень, потушила сигарету.

– Ты видел Корееву?

– Да. Выросла девочка.

– Что думаешь?

– Пусть побеждает. Потом пригрею.

– Эй, я первый!

– Посмотрим...

Они уже давно ушли.

А я так и осталась стоять, привалившись к холодной стене и сжимая в кулаке потухшую сигарету.

Эти двое мужчин, приятели моего отца, совсем недавно по-отечески утешали меня, клали ладони на плечи. Говорили о том, что сделают все возможное. Смотрели в глаза.

Я почувствовала внезапную резь в животе, еле успела согнуться, и меня вытошнило выпитым шампанским в куст сирени.

Потом вытерла губы, постояла, подышала. И пошла прочь.

Гордо выпрямив спину.

И твердо решив добиться своего.

Вернулась в гостиницу. Выкурила полпачки сигарет. И нашла самый легкий и реальный способ достать.

Сейчас эра интернета! Если поднять крик на весь мир, то неминуемо обратят внимание на происходящее компетентные органы, которых еще не прикормили «Дети Неба»! Это здесь, в родном городе, все куплено. Но есть же Москва! И есть международные организации!

Надо написать!

Надо найти способ!

И я нашла. Именно с помощью своих иностранных друзей подняла крик, начала собирать подписи на повторное рассмотрение дела, в нескольких уважаемых интернет-издательствах появились статьи по моей теме.

Потом позвонили из прокуратуры родного города, пригласили на беседу.

Я пришла с включенной камерой смартфона.

Толку от встречи не было, но все опять попало в интернет.

Короче говоря, я начала полномасштабную акцию по возврату своего брата и своего имущества. И делала это с воодушевлением.

А потом...

Потом мне позвонили.

Когда рушится мир.

– Ульяна? – голос говорившего был тихим и каким-то... Безжизненным, что ли... – Вы развили серьезную активность.

– Кто вы? Представьтесь! – я тут же нажала на значок специальной программы, позволяющей записывать разговор.

– Это неважно. И можете отключить программу записывания. Ничего особенного я вам не скажу. Это просто беседа. Дружеская.

– Слушаю.

– Пока вы развлекаетесь, борясь с ветряными мельницами, ваш брат расстраивается. Это был его осознанный выбор, и ему становится очень не по себе, когда он видит, что вы хотите разрушить его жизнь...

– Дайте мне поговорить с Кириллом, – потребовала я, уже понимая, что имеет в виду собеседник.

– Он не хочет с вами разговаривать. Он расстроен. Так сильно, что ему стало плохо с сердцем. Мы вызвали врача, лечим его. Наш брат нам дорог! А вам, похоже, нет...

– Прекратите! Дайте мне с ним поговорить! – я вышла из себя и закричала.

Но голос был издевательски спокоен:

– Не надо кричать. И, если хотите, чтоб вашему брату стало лучше, стоит прекратить делать те глупости, что вы делаете. Это последнее предупреждение.

Собеседник отключился, а я еще долго сидела в ступоре.

Ситуация повернулась так, как я и не рассчитывала.

Отвыкнув в спокойной и дружелюбной Европе от реалий родного края, я позабыла, как тут могут себя вести люди. И до сих пор не могла поверить в происходящее. В азарте и гонке за достижением своей цели, я забыла про то, что у меня есть уязвимые места. Может, дело в том, что Кирилл никогда не был моим слабым звеном? Наоборот, я всегда считалась неприспособленной к жизни, неуверенной в себе. Не от мира сего. Творческий человек, что с меня взять? Родители всю жизнь возвращали во мне эту рафинированность, считая, что девушке очень полезно заниматься чем-то этаким, приятно-необременительным. Они были уверены, что мне никогда не придется выживать, не придется самой зарабатывать себе на пропитание. Кирилл, как наследник и старший брат, тоже полностью поддерживал этот их настрой. И после смерти папы и мамы, погибших неожиданно и не оставивших завещания, просто привычно взял на себя все рутинные семейные дела. Ему это было в радость. А я...

А я полностью погрузилась в творчество.

Оно не приносило финансового благополучия, но, при постоянной и мощной денежной поддержке Кирилла, только радовало. Меня охотно брали на выставки, приглашали на различные движы, которыми так богат мир искусства. Когда есть средства, тебе открыты многие пути.

Я настолько увлеклась, настолько погрузилась в свою жизнь, что постепенно потеряла связь с реальностью. И с братом тоже.

И вот теперь реальность ударила меня в отместку за глупость и наивность.

Записанный разговор я бережно сохранила. Но больше ничего не сделала.

Просто испугалась, наконец-то.

Потому что голос человека, разговаривавшего со мной, был очень спокойным. Нейтральным. И абсолютно маньяческим.

Мне надо было прийти в себя, продумать дальнейшую стратегию, которая теперь не могла включать в себя лобовые грубые атаки.

Пока я соображала, что делать дальше, события начали развиваться очень быстро. Словно кто-то дал отмашку по моей проблеме.

Номер гостиницы, где я жила, перевернули вверх дном. Украли ноутбук, какую-то технику, украшения.

Хорошо, что я все самое ценное – карточки и документы, всегда носила с собой.

Заявление в полицию ничего не дало.

Потом у меня закончились деньги.

Выставка в Барселоне сорвалась, инвесторы отказались от сотрудничества со мной по неизвестным причинам.

Моя квартира в Барселоне, арендованная на несколько лет вперед, неожиданно оказалась опять выставлена в аренду. Мои вещи, картины, инструменты... Все пропало.

На личных счетах в банке было совсем немного, я же всегда рассчитывала на поступления от своей доли в компании!

Я не была коммерческим художником, предпочитая делать то, что хочется, не гналась за прибылью!

И теперь не имела ни контрактов, ни толковых связей... Ничего. Мой агент что-то говорила о том, что времена сложные, и надо бы притормозить, переждать...

Но я не могла ждать!

Мало того, что у меня не оставалось средств к существованию, так еще и за Кирилла переживала! Конечно, я понимала, что повлиять на решение взрослого человека не могу, но черт! Мне показалось тогда, во время единственной нашей встречи, что он... Ну, что он не совсем искренен... Или мне так показалось? И после ужасного разговора я была уверена, что брата удерживают силой, может, на препаратах. И теперь мне было необходимо снова добраться до него, поговорить, но без свидетелей. С глазу на глаз.

Сделать я этого не могла никак. Мои походы в офис этой организации, мои звонки могли негативно сказаться на Кирилле.

Так же, как и моя дурацкая непродуманная активность.

Короче говоря, я оказалась в жуткой ситуации. В родном, вроде бы, городе, но без денег, без помощи, без родных.

Памятуя разговор на террасе, больше я к друзьям и партнёрам отца не ходила. И осознала, насколько я была слепой дурочкой, что вот так вот думала, будто никто ничего не знает, и мне помогут. Конечно, они все знали! И, может, даже что-то получили от Кирилла... Или ЗА Кирилла...

Тут во что угодно поверишь, в любой бред.

В гостинице жить стало опасно. Я все время боялась, что кто-то зайдет ночью.

Стала искать съемное жилье.

И все чаще мелькала мысль бросить все и уехать. Все же я на редкость слабая, раз так думала. Но думала. И даже просчитывала варианты. Пыталась, по крайней мере.

Конечно, жить за границей я теперь не могла, не позволяли средства.

Но, может, в другом городе я смогла бы устроиться на работу... Правда, я не знала, на какую. Ничего в голову не приходило.

И к тому же, я не могла уехать просто так. Бросить Кирилла.

Не могла.

Дальше размышлений дело не заходило, потому что каждый раз я думала о брате, слезы наворачивались на глаза от безвыходности ситуации.

Начала перебирать всех знакомых людей в городе, к кому можно было бы обратиться за помощью. Высокопоставленные друзья отца и приятели Кирилла отпадали. Мои школьные знакомые... Смешно.

И вот тут я вспомнила про Варвару Петровну.

Она преподавала у меня рисование, и потом я ходила к ней на дополнительные занятия в художку. Моя первая, самая любимая учительница рисования.

Именно она разглядела во мне искру, как она говорила.

Мы все это время не теряли связь, переписывались в мессенджерах, я советовалась даже с ней по поводу отбора картин для последней выставки.

Только она во всем этом уютном городе, превратившемся для меня в ловушку, могла хотя бы дать дельный совет.

Я написала ей.

И тут же была приглашена на чай.

Варвара Петровна жила, как и полагалось настоящей художнице, в мансарде старинного дома, прямо на одной из центральных улиц города, в его историческом центре.

Квартиры, земли здесь стоили бешеных денег, и скромная учительница, конечно, себе ничего подобного позволить не могла. А вот вдова генерала КГБ – вполне.

Муж Варвары Петровны умер еще до перестройки, но остались его связи, старые приятели, которые, как я поняла, охотно взяли шефство над красивой женщиной, утонченной художницей.

Это все я узнала уже позже, из переписки.

А в детстве я обожала бывать у нее, смотреть, как филигранно разбивается солнечный свет о витражи огромных стекол, как изысканно смотрятся разноцветные лучи на белых полотнах стен, как нежно и сочно вьется по ним цветочная зелень.

Сама Варвара Петровна работала в художественной гимназии, преподавала рисование и ни в чем, как я поняла, не нуждалась. Она, в отличие от меня, сумела извлечь выгоду из своего положения. Или я просто не доросла еще до этого?

Кроме преподавания, Варвара Петровна с огромным удовольствием занималась благотворительностью. Ездил в детские дома, вела какие-то бесплатные кружки рисования и черчения, устраивала конкурсы, даже оплачивала наиболее талантливым ученикам обучение в гимназии. Своих детей у нее не было, поэтому всю нерастрченную энергию и любовь она отдавала тем, кому это нужнее всего.

Я не хотела вовлекать любимого учителя в свои проблемы, а, после того, что произошло, опасалась вообще кому-то рассказывать. Мало ли, вдруг невинные люди пострадают?

Судя по последним событиям, у этой проклятой секты были длинные руки. Ну, или я просто настолько невезучая, что все разом свалилось.

Поэтому я ехала к Варваре Петровне исключительно с надеждой, что она подскажет недорогое съемное жилье. Ну и, кто знает, с работой поможет.

Потому что, как бы я ни хорохорилась, но надо было что-то есть, на что-то жить. И придумать, как мне добраться до Кирилла своими силами, не привлекая посторонних людей, которые могут пострадать по моей глупости.

Невозможная женщина.

«Дети Неба»... Сука...

Розгин, сохраняя непроницаемое выражение на лице, потянулся за очередной сигаретой, думая, что неплохо было бы и выпить. Чего-нибудь крепкого. На нервяке. Потому что, как он и предполагал, проблем от этой странной бабы – вагонище. Предполагаемых проблем. Потенциальных.

Княгиня еле заметно поморщилась, сильнее сжала тонкие пальчики на сумке. Розгин только усмехнулся.

Неженка. Дым ей мешает.

Взгляд опять сполз на круглые колени. Да ну блин. Надо прекращать.

Вещи посетительница рассказывала нихрена не занимательные. А очень даже банальные. И геморройные.

Про секту Розгин знал, само собой. Не очень много, но достаточно, чтоб понимать, что ползет туда только дурак. Там по закону все было очень даже правильно. И сама секта официально считалась благотворительной организацией, помогающей разного рода бедолагам, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Брат Княгини бедолагой, конечно, не был, но пошел туда сам. Не под давлением.

Бумаги подписывал тоже сам. И даже общался с сестрой. И лично просил не беспокоиться, если Розгин ситуацию правильно оценил. Не подкопаешься. Никак.

И теперь вопрос: чем он-то может помочь? И вообще... Надо ли помогать?

Тетя Варя просто так ее бы не отправила к нему, значит, надеется, что Розгин хотя бы что-то предпримет.

Но тетя Варя этого дерьма не касалась. А вот Макс – да. Давненько, правда, но впечатления остались любопытные.

– Мадам, – он не мог перестать обращаться к ней этим глупым словом, оно просто идеально ложилось на рафинированный образ утонченной леди, – если вы виделись с братом, если он вам все сказал... То здесь никак не поможешь. Бабки не вернешь. Их можно попытаться вернуть только при условии, что на момент подписания документов он был под чем-то.

– Под чем-то?

Она открыла рот и округлила глазки. Макс еле подавил желание выругаться. Наивная болонка...

– Под воздействием запрещенных препаратов. Медикаментов. – Терпеливо пояснил он. – Но даже если он таким и выглядел, чтоб это доказать, необходима экспертиза. А для этого его надо оттуда вытащить. А, я так понял, что он там по своей воле находится.

– Но...

– Его удерживали?

– Нет, но...

– Кроме того, что он, как вы говорите, «выглядел просветленным», еще какие-то признаки насилия, применяемого к нему, были?

– Нет, но...

– Тогда хочу огорчить вас, мадам. Я ничем не смогу помочь.

– Но Варвара Петровна...

– Варваре Петровне привет.

Он встал, заканчивая таким образом беседу. Сделать он реально ничего не мог. Мужика оттуда, конечно, силой вытащить можно, но оно ему надо? Мужику самому, в первую очередь? Хрен его знает, начнешь так тащить, а он еще и сопротивляться будет. Просветленные, они такие. Не любят, когда их из просветления вытаскивают.

Княгиня встала, выпрямилась стрункой, оскорбленно поджала губы, отвернулась, скрывая влажные глаза. И правильно. Нечего здесь плакать. Розгина этой хренью не проймешь.

– До свидания, господин Розгин.

– Прощайте.

Она уже давно ушла, а Розгин все сидел в кресле, щурясь от сигаретного дыма то на дверь, закрывшуюся за ней, то на кресло, в котором она сидела, элегантно сложив ногу на ногу.

Он знал, что все сделал правильно, но все равно скребло. И не отпускало.

Ну что, плюнуть на все и свалить в тайгу? Как хотел?

Лучше так. Все мысли глупые выветрятся. Как и аромат ее духов, до сих пор тонко ошутимый в комнате даже сквозь мощный дух дешевых сигарет.

Сотовый ожил внезапно. По идее, никто звонить не должен бы. Тем более, на личный.

Розгин глянул сначала на часы, выругался, поняв, что задумался и просидел в офисе лишних полчаса, а потом на экран. И выругался повторно. Княгиня успела доехать до тети Вари и нажаловаться. Зараза.

– Максимка, – голос тети Вари, как всегда нежный и мелодичный, в этот раз отдавал холодом, – я тебя часто о чем-то прошу?

– Здравствуйте, тетя Варя, – вежливо поздоровался Розгин, – редко. Второй раз на моей памяти.

– И на моей.

Розгин помолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Черт. Невозможная женщина. Теперь он должен придумывать, как извиняться за то, чего не совершал. За свои, на минуточку, совершенно правильные действия!

Только одна женщина могла с ним такие штуки проворачивать безнаказанно! Даже жене бывшей не позволялось!

– Теть Варя...

– Максимка, я хочу пригласить тебя на чай сегодня, – перебил его хрустальный голосок, – к шести часам будь добр.

– Да я уже не в городе...

– До свидания, Максимка.

И трубку положила. Розгину оставалось только выругаться в очередной раз.

Невозможная женщина.

Подъезжая к дому тети Вари с коробкой эклеров с ирисовым кремом, которые она обожала, Макс был практически на сто процентов уверен, что увидит там дневную мадам. И заранее готовился.

Конечно, грубить он при тете Варе не будет, но и от своих слов и намерений не откажется. Он не волшебник, в конце концов!

Но, на удивление, его бывшая учительница была одна.

– Максимка, – она торопливо отложила длинный мундштук с зажженной сигаретой и подошла обнимать.

Макс подхватил тонкое легкое тельце, чмокнул в щеку.

Ну вот как так может быть?

Для всех он бешеная псина, Макс Розгин, и только для нее по-прежнему Максимка, мелкий пронирыливый шкет, спрятавшийся однажды от участкового у нее в мастерской и разворотивший там все, что было плохо приколочено.

Тогда она его не сдала. Поднявшемуся следом участковому сказала, что никого и ничего не видела. А потом долго отпаивала звереныша чаем с малиновым вареньем и кормила эклерами с ирисовым кремом.

– Ах, мои любимые! – она забрала у него из рук коробку, – помнишь!

– Такое забудешь... – проворчал Макс, разуваясь, – тетя Варя, я ненадолго. И все, что мог сказать, я уже этой мадам сказал.

– Садись, будем чай пить.

Тетя Варя, словно не услышав его, прошла к кухонной зоне, достала чашки.

Максу только вздохнуть оставалось. И сесть за стол.

Тетя Варя всегда отличалась бульдожьей хваткой. И он не вырвется. Это точно.

Выходил он от нее через час, в диком раздражении.

В основном на себя, конечно. Потому что отказать не смог. Ну вот не смог – и все. Эта женщина творила с ним совершенно нереальные вещи! Словно гипнотизировала, бляха муха! И ведь все правильно ей отвечал, вроде, все логично...

Но, в итоге, согласился на все ее предложения.

И на то, что еще раз к Княгине ходит. И на то, что попробует по крайней мере встретиться с этим просветленным дураком и выяснить, реально ли там просветление, или все же наркота?

И на то, что по своей, сука, воле, поступит к Княгине во временное пользование, потому что по-другому этот бред и не назовешь.

То есть, будет рядом с ней, пока не решатся ее проблемы. А они у нее, из-за ее тупой и непродуманной активности, вполне серьезные нарисовались.

И теперь он, Макс Розгин, будет ее оберегать и защищать, а еще по ее вопросам бегать, пока все не разрулит.

И он, дурак, согласился.

И теперь недоумевал: КАК???

И еще думал о том, что этой женщине, его тете Варе, надо не картины рисовать, а по меньшей мере, страной руководить. Потому что так виртуозно ставить на колени серьезных мужиков во имя благих целей и своих потребностей... Это умение высшей категории. Из-за таких женщин в древности войны начинались. И заканчивались.

И он вот тоже. Попал.

Кроме себя, злился еще и на Княгиню. Откуда вылезла вообще? Ведь, не будь ее...

Ну да ничего. Посмотрим еще, кто кем попользуется в полном объеме...

Макс решил не откладывать в долгий ящик и рванул сразу по нужному адресу.

Княгиня жила с обычной панельке на первом этаже.

Воняющий кошками подъезд, обшарпанная дверь. Приоткрытая. И мужские глумливые голоса. Тихий, словно задушенный вскрик.

Это он вовремя, похоже...

Макс расстегнул куртку, проверил ствол.

И тихонько зашел внутрь.

Не убивай...

Я приехала домой уже ближе к вечеру. Вымотанная просто ужасно.

Соступила с каблучков, едва не застонав в голос от невыносимо болезненного ощущения. Ступни буквально выворачивало. Все же не привыкла я к такой обуви, не умею носить. Мне бы кеды легкие, или кроссовки. Балетки.

Но сегодняшний визит к господину Розгину был слишком важен, чтоб подойти к нему легкомысленно. Я должна была предстать перед ним солидной женщиной, с деньгами и перспективами...

Плохо получилось. Неудачно.

Розгин сразу же раскусил меня. И выгнал. Отказался помогать.

А ведь я в самом деле готова была отдать ему серьезные деньги! Боже мой, да я бы все отдала, все имущество, только бы брата вернул!

После гибели родителей мы с Кириллом остались одни.

И вот теперь у меня даже его, этой тонкой ниточки, связующей меня с тем беспечным веселым и родным прошлым... Даже этого не было.

Передо мной всплыло пустое блаженное лицо Кирилла, и тут же передернуло от омерзения.

Брат всегда был себе на уме, конечно. Но не до такой степени. Верил в Бога, ходил в церковь. Искал себе женщину, правильную, духовную. Был у него такой пунктик. Чистая женщина, для которой семья и дети – превыше всего. Не знаю, каким образом он его заполучил, этот бзик, но вот было такое.

При этом Кирилл не гнушался радостями жизни совершенно. Постоянно вокруг него прыгала вязанка непонятных девиц, постоянно по вечерам пятницы он ездил развлекаться в какие-нибудь клубы... То есть, вел вполне обычную жизнь обеспеченного мужчины.

Это не мешало преуспевать в бизнесе, держать на плаву то, что создал отец.

Он ведь совсем неглупый, мой братик.

Как же так произошло? Как так случилось?

Я всю голову сломала, пытаюсь найти ответ на этот вопрос. Ругательски ругала себя за то, что мало с ним общалась, поглощенная своим, никому не нужным, творчеством, своей божественной жизнью. Переписка и еженедельный созвон по скайпу не способствовали сближению.

Вот теперь и получила по полной программе за свой эгоцентризм...

Брат непонятно где, непонятно кто с ним рядом... А вдруг его бьют? Вдруг мучают? Из-за меня? Из-за моей глупости?

Стало зябко, болезненно как-то, и я поторопилась в ванную, чтоб смыть с себя весь кошмар сегодняшнего дня.

Съемная квартира, которую я нашла не без помощи Варвары Петровны, была бедненькой, но чистенькой. А больше мне ничего и не требовалось.

Хотелось в душ, а потом просто лечь и забыться. Отключить мозг хоть на какое-то время.

Встав под теплую воду, я попыталась расслабиться. Варвара Петровна меня сегодня все же немного успокоила.

Господи, эта женщина – словно бальзам. Ее к ранам можно прикладывать!

Я вспомнила, как она приняла меня, растерянную и обескураженную отказом господина Розгина, как напоила чаем с малиновым вареньем, поворчала, что мальчишка много о себе возомнил. Выслушала мою отчаянную просьбу не сообщать Розгину о том, что я жаловалась, не вмешивать его больше.

Улыбнулась, похлопала по руке, заявив, что все будет хорошо. Обязательно.

Дала с собой на вечер вкуснейшего яблочного пирога и оплатила такси до дома.

Я прислонилась к кафельной плитке лбом и неожиданно заплакала.

Горько, до истерики и судорожных всхлипываний.

Не знаю, что оплакивала. То ли свою жизнь беззаботную, то ли судьбу брата, то ли душевную щедрость одного постороннего человека и чёрствость и равнодушие другого.

А, может, все вместе.

Потом закрутила вентиль, натянула прямо на голое тело шелковый халат, остаток прежней роскоши, посмотрела на себя в зеркало. Уже спокойно.

Нет, мне не приходили в голову банальности о том, что подумаю обо всем завтра, я никогда не любила Скарлетт.

Просто как-то стало легче.

Выхода не виделось никакого из ситуации, кроме как уехать. Бросить все и уехать.

Варвара Петровна могла помочь и здесь. Она обмолвилась, что у ее знакомого есть школа искусств в другом городе, и он давно ее туда приглашает. Обещает жилье и достойную оплату. Чем не вариант?

Вот если бы еще с Кириллом все в порядке было...

Я включила телевизор и села за стол, пить чай с яблочным пирогом.

И, незаметно для себя, уснула в кресле.

Разбудил меня странный скрежет. Я сначала не поняла, с полминуты таращилась на горячий экран, пока не сообразила, что это возятся у замочной скважины!

Подскочила, побежала сначала к прихожей, потом, одумавшись, на кухню, за ножом, потом, на нервах забыв, что нож-то у меня в комнате, я же им пирог резала, дернулась туда...

А потом меня схватили.

Грубо и больно закрыли рот вонючей ладонью, перехватили бестолково дергающиеся руки.

Я стала задыхаться, потому что нос мне тоже закрыли, забила отчаянно, уже практически теряя сознание.

Мыслей никаких не было, один ужас бесконечный.

– Тихо, сучка, не кричи, поняла? – голос был страшный, он буквально заставлял застыть, подчиниться.

Я промычала в гадкую ладонь, что не буду кричать. И чтобы отпустили.

Меня отпустили.

Швырнули на диван с такой силой, что в глазах стало темно.

Я, мне кажется, даже сознание потеряла, потому что следующее, что увидела, это уже тех, кто вломился в квартиру. Двоих мужчин.

Один сидел напротив меня в кресле и увлеченно разглядывал задравшийся подол халата, а другой стоял у окна. И жрал пирог Варвары Петровны.

Почему-то меня это особенно потрясло.

Равнодушие, полное спокойствие, пустота в глазах. Активно жующая челюсть.

Тот, что сидел в кресле, проследил мой взгляд, заржал.

Смех его, мерзкий, словно скрежет железа, заставил вздрогнуть.

Я оторвала, наконец, глаза от ужасного в своей обыденности зрелища жующего бандита, а в том, что это были именно бандиты, сомнений никаких не возникало, и опять посмотрела на сидящего в кресле.

Поймала его гадкий взгляд на своих голых ногах, спешно задернула халат. И второй рукой сразу закрыла грудь, вспомнив, что под тонким шелком нет совершенно ничего.

Понятно, что никакой защиты быть не могло, но это скорее инстинкты.

– Что вам надо? – я постаралась, чтоб голос звучал не испуганно. Хотя, может, надо наоборот? Может, увидят, что боюсь, и не будут... Обижать?

– Ты знаешь, что.

Сидящий в кресле улыбнулся, его рот, полный серых зубов, вызвал дополнительное омерзение. Меня едва не передернуло. Кое-как сдержалась, отвела взгляд. Хотя, особо некуда было отводить. Не на мордovorота же у окна, прихватившего второй кусок пирога?

Сидящий в кресле тоже глянул на своего напарника. Нахмурился.

– Цепа, ты сюда жрать пришел?

– Да ты чего, в натуре? – поперхнулся Цепа, – охеренный пирог!

– Да вы кушайте на здоровье, – торопливо влезла я, – у меня еще есть! Отрезать вам?

– Заткнись, – скомандовал главный, – и отдай нам ключ.

– Ка-ка... – у меня от неожиданности голос даже пропал, пришлось прокашляться, – какой ключ? От квартиры?

– Где деньги лежат, – заржал главный, потом резко наклонился ко мне,дохнул давно нечищенной пастью, – ты не строй из себя дуру наивную. Ты знаешь, какой.

– Не знаю.

Мне стало мерзко от его душной близости, от запаха, от взгляда глумливого, намертво застрявшего в вырезе моего халата. Все это, вкупе с тем, что я вообще не понимала, о чем он спрашивает, добавляло ужаса в ситуацию.

– Знаешь, коза, – он неожиданно провел пальцами по моей щеке, перехватил руку, которой я хотела отмахнуться от него, больно сжал, заставив вскрикнуть. И продолжил трогать меня! По шее – вниз, к груди, дергая ворот халата. – Не дрыгайся!

– Не знаю! Отпустите!

Я запаниковала еще больше, понимая, что не смогу сопротивляться. Если я думала, что до этого боялась, то испытываемое мною сейчас чувство вообще никакому описанию не поддавалось!

Меня никогда так не унижали, не обижали! Да я даже представить не могла... Тогда, на приеме, услышав гадости от старых приятелей отца, мне стало плохо до тошноты.

А сейчас...

А самый ужас был в том, что второй бандит, Цепа, стоял у окна и продолжал жрать пирог! Как будто ничего не происходило! Рассматривал с интересом и удовольствием, совмещал приятное с полезным!

Я перестала дергаться, понимая, что так добьюсь только того, что меня ударят. Изобьют. Хотя, то, что явно планировал сделать этот подонок... После этого лучше пусть убьет.

– Послушайте, послушайте, – торопливо зашептала я, пытаюсь отвлечь подонка, – я не понимаю, о чем вы, я правда не понимаю...

– Понимаешь ты все, – он отбросил мою нелепо сопротивляющуюся руку и рванул ворот в разные стороны, обнажая грудь, – сучка гладкая... Мы с тобой сейчас поиграем, а потом ты нам сама все расскажешь. Если не захочешь повторения...

Я вскрикнула, и тут же грубая ладонь закрыла рот, Цепа, доев пирог, заржал:

– Ты не увлекись, а то она и сказать ничего не сможет!

– Сможет... – кряхтел мерзавец, опрокидывая меня на диван, – она сейчас долго говорить будет!

Я бешено отбивалась ногами и руками, совершенно потеряв контроль и уже понимая, что это не поможет. И плевать. Я не смогу просто подчиниться, пусть сразу по голове бьет. И убивает.

Слезы заливали глаза, мерзкие руки елозили по голой груди, отвратительный запах забивал ноздри. Я понимала, что меня сейчас опять стошнит. И надо всем этим безумием раздавалось чавканье Цепы, прихватившего еще один кусок пирога...

А потом, когда я уже практически отключалась от ужаса и боли, тяжеленная туша, придавившая меня к дивану, неожиданно исчезла.

Я вскинулась и отлетела в самый угол, сжалась там, спряталась. Мозг орал, чтоб я выбиралась прочь, как можно скорее, но я взгляда не могла отвести от происходящего в комнате.

Убийства.

А это было именно убийство.

В центре моей маленькой съемной квартирки бесновался черный смерч. Сквозь слезы я не могла в точности разглядеть все в деталях, да и колотило меня ужасно, так, что зуб на зуб не попадал.

Но кое-что запомнила. Зачем-то. Себе на беду.

Человек, одетый во все черное, крепкий и сильный, как-то очень быстро расправился с моим насильником, рухнувшим на пол с диким стуком, и теперь уворачивался от Цепы, который оказался на удивление ловким и с матерным рычанием набрасывался на своего противника. Места этим двоим зверям было явно маловато, а потому сильно страдала обстановка. Столик, телевизор, поднос с пирогом...

Черный человек был молчалив, на оскорбления не реагировал и действовал четко. Увернулся от замаха, пролетел вперед, перехватывая руку с блеснувшим в ней ножом. И коротко дернул, разворачиваясь вместе с Цепой. Так и не успевшим понять, что произошло.

Упал Цепя прямо рядом со мной, с диким грохотом, и я несколько секунд оторопело смотрела в пустые, уже стекленеющие глаза, на полуоткрытый рот, на крошку пирога в уголке губ...

До меня как-то не доходил весь ужас ситуации.

Оцепенение продлилось ровно до того момента, пока черный человек не наклонился над моим несостоявшимся насильником.

Я неожиданно узнала его. Черные волосы, профиль с переломанным носом... Такое не забудешь.

Макс Розгин!

Он зачем-то здесь!

Он пришел и спас меня! И... И убил. Черт...

Я, видно, слишком резко вздохнула, или дернулась, потому что он тут же развернулся и уставился на меня своим черным взглядом, в котором все еще клубилось бешенство.

Я встала, вжимаясь в угол и обхватывая себя рукой, чтоб запахнуть ворот халата.

Он тоже встал.

В комнате было темно, телевизор погас, и только яркий свет уличного фонаря пробивался в окна.

И вот в этом неверном освещении Макс Розгин казался не человеком, а, по меньшей мере, демоном. Я не могла оторвать взгляда от его сурового жесткого лица. От его шеи, залепанной кровью. И руки. Его руки тоже были в крови. И, наверно, куртка... На темном не видно...

Я неожиданно испытала невероятный, inferнальный какой-то ужас. Даже хуже, чем до этого, с бандитами.

Мы находились в темной комнате, рядом с мертвецами. Людьми, которых только что он убил.

А я это все видела.

И я его знаю.

И могу... Могу быть свидетелем...

Он меня убьет.

Просто и быстро, так же, как и этих мужчин.

Не знаю, почему я в этот момент именно так подумала, но мысль показалась настолько реальной, что меня опять затрясло.

Я выставила перед собой ладонь, прошептала:

– Не надо... Пожалуйста... Не надо...

А он шагнул ко мне. Неотвратно, как в фильме ужасов.

Я даже дернуться не успела.

Он протянул руку, хватая меня за выставленную ладонь и дергая на себя. Впечатывая в свое тело! Я охнула, ноги подкосились.

В голове только и билось: «Не убивай, не убивай, не убивай!»...

Глаза я не закрывала, не могла оторваться от его черного бешеного взгляда. Огромные зрачки, сейчас больше похожие на пистолетные дула, нацелились на мое лицо, рассматривали, как-то жадно и немного безумно.

А я смотрела. Смотрела. Смотрела.

И ждала, когда ударит. Ножом. Он же этих мужчин ножом убил? Да? Не голыми же руками? Или голыми?

Я опустила глаза, чтоб посмотреть на его пальцы, сжимающие мое запястье...

И в этот момент он меня поцеловал.

Черная метель.

За всю свою жизнь Макс Розгину приходилось терять голову раза три, наверно. И никогда эти разы не были связаны с бабами. Не случилось как-то.

Нет, конечно он слышал об этом, да и по рассказам других мужиков, своих прежних приятелей по полиции и армии, знал, что так бывает. Что уносит. И мысли никак в голове не образуются. Творишь хрень, а потом... Жалеешь.

Ну, или не жалеешь.

Это если качественно хрень натворил. С обоюдным удовольствием.

Сам он так не впирался, даже с бывшей женой, школьной ошибкой, было проще и банальней. Да и прошло моментально. Сразу после свадьбы прям.

Теперь же Розгин совершенно искренне считал, что уже и не сможет даже так унести, не в полную. Прошло время молодости и глупости.

Сейчас, даже занимаясь сексом с женщиной, полного отключения у него не происходило. Постоянно мелькали самые разные, а, порой, и не относящиеся к ситуации, мысли. Мозг работал.

Да и вообще, секс – уже давно не то событие, о котором стоит думать.

А потому случившееся с Княгиней было в какой-то степени за гранью.

И не сказать, что драка – причина помрачения рассудка.

Хотя, конечно, когда убиваешь человека, даже если этот человек – полная тварь и отморозок, насилующий женщин, это свой отпечаток накладывает.

Максу приходилось убивать. Много.

В армии – даже не считал, сколько. Не снайпер же, чтоб счет вести.

После, в милиции, а потом в полиции... Ну бывало. Тоже старался не считать. Не простым оперативником работал, всякое видеть приходилось. Такое, что лучше бы забыть.

За привычку мгновенно принимать не особенно популярные, но эффективные решения, его в прошлой жизни часто наказывали. Звания, премии, прочие прелести жизни...

Служба уже давно в прошлом.

А привычка – осталась.

Поэтому скоту, что зажал беспомощно трепыхавшуюся Княгиню на диване, Макс сразу сломал шею. Быстро и без затей. Мог и не ломать, но...

Её круглые белые колени, что до сих пор помнились, тонкие голые ножки...

И тело этого хряка между ними...

Не стал сдерживаться.

Второй оказался проворней и даже какое-то время потанцевал. Макс опознал в повадках своего армейского коллегу. Но, судя по всему, не его опыта. Просто так, рядом стоял, нахватался. Движения верные, но как будто не дорабатывает. Да и не тренировался давненько. Это его и сгубило.

Макс перехватил летящий в него нож, развернул аккуратненько, пользуясь инерцией здоровенной туши, и вернул подарочек. Прямо в горло.

Не очень удачно попав в артерию. Кровь хлестанула, уделав и одежду, и лицо, и руки. Бывший вояка упал, как срубленное трухлявое дерево. Рядом с загнанной в угол комнаты Княгиней.

Макс наклонился над первым отморозком, пощупал на всякий случай пульс. А то, мало ли, тоже бывало всякое. Но тут сюрприза не произошло. И не произойдет. Если, конечно, эти твари не превратятся в зомбаков. Что вряд ли. Но и в этом случае ничего страшного. Говорят, зомби надо откручивать головы, чтоб больше не вставали. Макс это делать тоже умел.

Из угла комнаты раздался тихий всхлип.

Макс поднял голову.

Княгиня сидела, обняв себя руками. Лицо у нее, в тусклом свете фонаря, было совершенно белым. Глаза на пол лица. Огромные и безумные. Короткие растрепанные волосы упали на лоб, прядки прилипли к коже.

Он поднялся с колен, она тоже встала.

Все так же, не отводя от него дикого взгляда.

Макс хотел сказать, что все в порядке, хотел как-то успокоить, привести в чувство. Но замер, разглядывая ее.

В полумраке ее фигура, дрожащая, тонкая, укутанная в короткий светлый халатик из какого-то переливающегося, даже на вид нежного материала, казалась сотканной из этих самых лучей от фонаря. И еще немного – от лунного света.

Она стояла, по-прежнему обнимая себя руками, голые ноги, тонкие щиколотки, изящные икры, пальчики с накрашенными ногтями... Как это можно было разглядеть в таком освещении? Он разглядел. Словно вспышками.

Как из триллера, старого, хичкоковского. Она сама была похожа на этих хичкоковских героинь, как будто не из этого мира, не из этой гребанной эпохи. Другая. Слабая. Беспомощная. Её хотелось защитить. Хотелось обнять и сделать так, чтоб перестала трястись.

Хотелось...

Унять ужас в ее глазах. Заменить его на что-то другое.

Макс шагнул к ней, движимый исключительно этим намерением.

Её глаза, словно загипнотизированные, пробежались по его фигуре, задержались на шее, на одежде.

Макс даже не осознал в этот момент, насколько близко к ней стоит. Как так получилось, что он так близко? Как так получилось, что он разглядывает ее, отмечает все крохотные детали?

Разорванный ворот тонкого халата, облепившего грудь. А под халатом ничего нет. Грудь небольшая, соски острые, красивые, видно даже через ткань. Неистово бьющаяся жилка на шее. Следы от грубых пальцев, явно заметные в полутьме. Губы что-то шепчут. Он даже не понял, что. Ладонь выставила перед собой... Узкую, аристократичную. С короткими ногтями. Дрожат пальчики. И губы дрожат. Красивые губы, четко очерченные. В глазах ужас. Расширенные зрачки... Прядка темных волос, прилепившаяся на лоб...

Макс взял ее за выставленную в нелепой защите ладонь, зачем-то шатнул к себе. Наверно, успокоить хотел. Почувствовал в своих руках напряженное хрупкое тело, ее запах ударил в дрогнувшие ноздри. И сразу в голове помутилось.

Она что-то шептала. А затем перевела взгляд на его испачканные кровью пальцы, раскрыла рот.

Макс сжал ее сильнее и поцеловал.

Он потом так и не смог понять, в какой момент произошло отключение в мозгах.

В какой момент он сошел с ума.

Просто все навалилось.

Одновременно.

Горячка драки, еще два трупа на его счету, страх в огромных глазах, дрожащие пухлые губы, запах сладости, корицы и яблок, окутавший его с головой...

А может, все еще раньше случилось?

Еще во время ее первого визита?

Ее гордая осанка, судорожные попытки сохранить достоинство в тупой ситуации, в которой она оказалась. Коленки круглые, притягивающие. Нереально красивые ноги.

Запах...

Взгляд. Тогда – по-королевски холодный. Сейчас – испуганный и умоляющий.

Он не сдержался.

Поцелуй отключил последние ориентиры. Заволок голову, и без того летящую, туманом.

Она сдавленно ахнула, затрепыхалась в тисках его рук, уперлась ладонями в плечи, судорожно пытаясь оттолкнуть. Он это замечал. Конечно, замечал. Но не останавливался.

Целовал, жадно и жестоко кусая дрожащие губы, сжимал, сминая и пачкая кровавыми руками тонкий шелк халата, не давая ей даже возможности отстраниться, не давая ни единого шанса.

Словно черной какой-то метелью накрыло, закрутило, снося голову. И все, что было лишним, выметалось за пределы происходящего. За пределы понимания.

Макс вжирался в покорно и растерянно распахнутые губы, умирая от удовольствия, от черной своей похоти, и не желая тормозить.

Не сейчас. Только не сейчас. Еще немного. Немного...

Вопросы без ответов.

Меня целовали прежде. Много раз. Нежно, страстно, даже грубо и напористо.

Но то, что со мной делал Розгин, никак не коррелировалось с моим прежним опытом. Это даже и поцелуем-то нельзя было назвать. Он меня... Поработал. Да, это правильное слово. Порабощение.

Не секс. Не желание. Не жажда.

Овладевание.

Полностью, до самого дна.

Я не могла шевельнуться, не могла даже вздохнуть. Черный, окровавленный, жестокий человек, только что совершенно спокойно отнявший жизни у двоих людей, держал меня практически на весу, сжимал до боли, которой, впрочем, не ощущалось на эмоциях, и... Брал. Все, что ему в тот момент было нужно. Мой страх, мою растерянность, мой стыд, в конце концов! Брал, поглощал и переплавлял, добавляя дикости ситуации.

И я помешать ему не могла.

Когда немного опомнилась от первого шока, уперла руки в каменные плечи, пытаюсь хотя бы обозначить свое присутствие, дать понять, что я – не бессловесная игрушка, а живой человек! И нельзя со мной так... Бесцеремонно.

Он не заметил моих потуг. Вообще. Прижал ладонь к затылку, сковывая еще больше, впечатал другой рукой в свое жесткое тело, сдавил до потемнения в глазах. Я поняла, что, еще секунду, и в обморок упаду! И от ужаса стала словно сильнее. Очень уж ярко представилась картина, как я без чувств обмякаю в его руках. И что он в этом случае со мной сделает.

Мне от одной промелькнувшей секундным импульсом искры осознания стало еще горячее и еще страшнее.

Я сжала кулаки и замолотила ими по плечам и лицу Макса. И, возможно, случайно попала туда, куда его до этого ударили. Потому что он пришел в себя. По крайней мере, я надеялась на это.

Розгин остановился, оторвался от меня, и, словно не веря, смотрел в мои насмерть перепуганные глаза.

Еще пару мгновений его взгляд был пугающе черным, но потом в нем появилось осознание произошедшего.

Он резко разжал руки и отпустил меня. И вот зря! Потому что я пошатнулась, и Макс тут же пришлось опять меня подхватывать. И на руках нести к кровати. Перешагивая через трупы.

Дикость какая. Ужас.

– Вы как себя чувствуете?

Смысл вопроса дошел не сразу. Как я себя чувствую? Как чувствую???

А как я себя должна чувствовать?

Я даже задумалась над этим вопросом, пытаюсь подобрать правильные слова.

Меня пытались изнасиловать, угрожали убить, выясняли какие-то непонятные ключи, а потом на моих глазах убили двух человек... И опять пытались изнасиловать... Хотя, насчет последнего я не была до конца уверена.

Розгин выглядел дико и странно. Глаза горели, желваки катались, губы сжимались, смотреть на меня он избегал.

Укрыл покрывалом, не дождавшись ответа, вышел из комнаты, с кем-то коротко переговариваясь по телефону.

А я откинулась на подушки в изнеможении.

Мысли плясали в голове бешеными белками, и каждая норовила укусить, чтоб градус бешенства в крови повисить.

О поцелуе я старательно не думала, загоняя эту часть бешеных животных в загон.

А вот про странных и страшных посетителей и, особенно, про два трупа в своей квартире не могла отключить мысли.

Розгин... Хорошо, что он появился. После его поцелуя у меня слегка помутилось в голове, потому что только этим я могу оправдать свое пограничное блаженное спокойствие.

Я тупо смотрела в одну точку, куталась в покрывало и ждала Розгина. Зачем-то же он пришел? Ну, явно не затем, чтоб убить на моей территории двоих мужчин.

И что он сейчас делает? Вызывает полицию? Надо же вызвать полицию?

Убивать меня, как свидетельницу, он явно не планирует, значит... Возможно, это было... Как это правильно называется? Допустимая самооборона? Да?

Иначе с чего бы ему быть таким спокойным?

И кто эти люди? Какой ключ они искали? Идиотство какое-то... И не выяснишь теперь, Розгин устранил возможность переговоров. Полностью.

– Ну что, в себя пришли? Разговаривать можете?

– Да...

– Что они от вас хотели?

Он сел рядом на кровать, сцепил руки в замок. И по-прежнему избегал смотреть на меня. Похоже, он тоже испытывал неловкость после произошедшего.

Я нашла в себе силы даже вяло удивиться. Макс Розгин не производил впечатления человека, который может испытывать неловкость.

– Я не знаю... Они спрашивали про какой-то ключ...

– Какой ключ? – он остро глянул на меня, и взгляд его поразил опять своей чернотой.

Я вздрогнула, и он отвернулся. Черт, похоже, что мне теперь все время будет мерещиться отсвет того дикого безумного выражения, что был в его глазах в тот момент, когда он... Целовал меня.

– Я понятия не имею, какой ключ, – с досадой, в основном, на себя, конечно, огрызнулась я, – они не успели сказать. Вы помешали.

– Да? А мне показалось, что они вас просто хотели поиметь, а не поговорить. – Он усмехнулся, уже своей обычной, язвительной усмешкой, – впрочем, может, вы расстроились, что я вам помешал? Тогда прошу прощения.

– Да как вы?... – у меня от унижения и злости слезы навернулись на глаза.

Ну вот что за невозможный человек?

Я, конечно, тоже хороша, и уже успела пожалеть о грубо сказанных словах. Но и отвечать мне так бестактно...

Хотя, если вспомнить нашу первую встречу, и это его грубое «мадам» и «в уши долбитесь»... Быдло.

Непонятно, что может связывать этого мужлана и Варвару Петровну. И каким образом он может мне помочь. Хотя, исходя из последних его действий, вполне понятно, каким.

Вот только он же отказался. Зачем же пришел? Неужели, Варвара Петровна все же ему позвонила и... Заставила?

Я с сомнением посмотрела на мощную черную фигуру. За время моих размышлений и злости Розгин успел переместиться к окну и закурить. На светлом фоне окна его силуэт казался еще мрачнее и больше.

Суровый профиль с переломанным носом, твердый подбородок, разворот плеч, как не у всякого рэгбиста... Сложно представить человека, который может заставить Розгина что-то сделать не по своей воле.

– Простите, – пошла я на попятную, – я была груба.

– Да, были. – Кивнул он и, пока я опять надувалась от возмущения, добавил, – но и я ... Переборщил.

Я поняла, что он имеет в виду поцелуй, и покраснела, кажется, до кончиков пальцев на ногах.

Не думать, не думать, не вспоминать...

– Предлагаю вернуться к нашим гостям. – Он докурил, спрятал сигарету в карман куртки, повернулся ко мне. – Можете по минутам пересказать, что произошло. И что они говорили. В точности.

– Да... Но... Вы же ... Отказались?

Я спрашивала осторожно, опасаясь, что он сейчас объяснит свое присутствие как-нибудь очень просто, а потом уйдет. И оставит меня одну. В квартире с двумя трупами.

Мне эта мысль показалась ужасной, я вздрогнула и поежилась, обняв себя руками за плечи.

– Меня переубедили.

– Варвара Петровна?

– Да.

– Но... Как?

– Она умеет... Настоять на своем. Так что я теперь в вашем распоряжении. Временно. Пока не решу ваши проблемы.

Судя по выражению лица, происходящее ему вообще не нравилось. Ну, Варвара Петровна...

– Но тогда давайте обговорим вопрос цены сразу.

Вот в этом я была решительна. Потому что не могла гарантировать, что потяну его цену. Учитывая произошедшее. Все, что произошло.

– Какой цены еще? – злобно рыкнул он, – это ты потом с тетей Варей решай!

И, пока я переживала его внезапную грубость, шагнул к двери с телефоном:

– Да, первый этаж. Заходите, дверь открыта.

– Это кто? Полиция?

Я попыталась встать, потому что надо же встретить, надо показания, а для этого хотя бы одеться, не встречать же полицейских в тонком халате на голое тело...

– Я разберусь. Сидите здесь и носа не высовывайте, – скомандовал он и вышел за дверь.

А я осталась, комкая покрывало в кулаках и страшно волнуясь.

И переживая.

И лихорадочно соображая, что же мне делать?

Телефон мой остался в сумке, и невозможно было даже позвонить Варваре Петровне, выяснить, каким образом она принудила этого зверя мне помогать. И что я буду ему теперь должна все же.

За стеной сдержанно матерились мужчины, гремела мебель.

А я смотрела невидящим взглядом в стену и пыталась вспомнить ту уверенную и правильную Ульяну Корееву, что прожила практически четверть века и думала, что все знает про этот сумасшедший мир.

Как становятся рабом лампы.

Розгину всегда работа помогала переключиться. Голова забивалась делами, привычно анализировала, выстраивала нужные конструкции. Он начинал холодно и логически мыслить.

И в этот раз помогло.

А то бы не ушла Княгиня долбанная из его рук целой и невредимой. Слишком уж жажда была сильная, а затмение в голове – полное.

Но она смогла как-то его переключить, остановить, а потом и вовсе настроить на нормальный деловой лад. Хотя выглядела на редкость соблазнительной куклой, конечно. Особенно, когда сидела на кровати, в этом своем тонком, ни хрена не скрывающем халатике, и тарасила на него испуганные огромные глазища.

Но Макс считал себя профессионалом. Во многих вещах. И нрав свой умел обуздывать. Иначе бы уже лежал в земле. Потому что, если такой, как он, не умеет сдерживаться, когда надо, то в конечном итоге ловит пулю, или нож, или еще что-то такое же интересное.

А потому он звякнул ребятам, которые обычно зачищали за ним, когда приходилось работать по заказу, и начал обдумывать ситуацию, старательно игнорируя сидящий в кровати совсем неподалеку соблазн.

Успел он вовремя, это факт.

Перестарался. Это тоже факт.

Но если это простые исполнители, то вполне могли ничего и не знать.

Вели они себя, по крайней мере, не особо профессионально. Насиловать женщину, у которой нужно выяснить информацию... Ну, так себе способ давления. Быдлярский. Она от ужаса могла напелсти любую хрень. А они настолько возбудились, что, похоже, нормально дознание не провели. Выводов может быть много, но все же основной – непрофессионалы. Вполне возможно, быки из этой секты. Дети Неба, мать их.

Пальцы он в любом случае взял и обшмонал, впрочем, особо ни на что не надеясь. Собрал сотовые.

Изучит на досуге.

А пока надо отсюда Княгиню убирать. Не исключено, что еще придут.

А куда?

Эх, тетя Варя, вписала ты в историю! Только женщина так умеет. И попробуй теперь заднюю включи.

Никак.

Он повернулся, посмотрел на Княгиню, вздохнул про себя. Ну вот как с ней быть? Сидит, пялится на него своими огромными глазищами, в покрывало кутается. Ноги свои белые поджимает. Губы кусает натертые. Им, Розгиным, натертые.

Член дал знать о себе совершенно некстати, Розгин разозлился на это все и рявкнул:

– Собирайте вещи, первой необходимости. Чтоб в сумку уместились.

Она подпрыгнула на кровати, глаза стали еще больше. Открыла рот, явно намереваясь что-то сказать возмущенное. Но потом передумала, встала и начала бегать по комнате, собираясь.

А Розгин, на несколько мгновений залипнув опять на мелькающие в разрезе шелкового халатика белые ноги, выругался и вышел из комнаты.

Но у двери задержался:

– И рекомендую вспомнить, какой ключ от вас требовали эти люди.

– Но я не знаю! – она растерянно прижала руки с какой-то тряпкой к груди, – я совершенно ничего не понимаю!

– Зато они, похоже, четко знали, куда шли, так?

– Не знаю...

– Ладно.

Розгин развернулся и вышел на кухню. Мимоходом оценил работу зачистки. Нормально. Конечно, любая экспертиза найдет следы, но кто ее тут будет проводить? Что-то Макс сомневался, что те, кто послал сюда быков, объявят их в официальный розыск.

Он стоял у окна кухни, курил, шурился на полную луну.

– Я готова, но хотелось бы знать...

Он развернулся. Княгиня стояла, одетая в тонкие джинсики, объёмный свитер и держала в руках рюкзачок. Все такое карамельно-ванильное, женское, что ему даже не по себе стало. Если сегодня днем Княгиня предстала перед ним в образе деловой аристократичной леди, и даже нитку жемчуга на шею нацепила, куда там английской королеве, то сейчас выглядела няшной красоткой. Контраст по сравнению с ним охрененный. Ладно, хоть кровь успел смыть в ванной.

– Хотелось бы знать, куда мы едем. А еще я хочу позвонить Варваре Петровне и выяснить об условиях вашей с ней договорённости. Может, они мне не подойдут...

– Да? – он не сдержал скепсиса, очень уж хотелось ее немного на землю приопустить, а то слишком эфемерное существо. Летает тут. – То есть, если вам не подойдут условия, вы останетесь здесь? Откажетесь от моих услуг? И что делать будете?

Она открыла рот, чтоб ответить, но так и замерла, задумавшись.

А Макс, хмыкнув, вышел из квартиры первым, не дожидаясь, пока она догонит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.